

Глава 1

Гипоксия

Она проснулась. Поморгала в крошечной темноте. Широко разинула рот и задышала носом. Снова моргнула. Почувствовала, как по щеке течет слеза, растворяя соль от прежних слез. А вот сглотнуть слюну не удалось, во рту было сухо. Щеки словно что-то распирало изнутри. Казалось, что от этого чужеродного тела во рту голова ее вот-вот взорвется. Но что же это, что же это такое, в конце концов? Первое, что она подумала, когда очнулось, — ей вновь хочется забыться. Провалиться в теплую и темную пропасть. Укол, который он ей сделал, по-прежнему действовал, но она знала, что боль скоро вернется, чувствовала ее приближение по медленным, глухим ударам: это биение пульса, это кровь толчками проходит сквозь мозг. А где тот человек? Стоит позади нее? Она задержала дыхание и прислушалась. Ничего не услышала, но почувствовала чье-то присутствие в комнате. Словно присутствие леопарда. Кто-то рассказывал, будто леопард крадется настолько беззвучно, что может подобраться к тебе совершенно неслышно, что он даже умеет регулировать свое дыхание, чтобы дышать в такт с тобой. Задерживать дыхание тогда, когда ты задерживаешь дыхание. Ей пока-

залось, она чувствует тепло его тела. Чего он ждет? Она вновь задышала. И ей показалось, что в то же мгновение кто-то задышал ей в затылок. Она развернулась, ударила, но удар пришелся в пустоту. Съежилась, стараясь казаться меньше, спрятаться. Бесполезно.

Сколько времени она пробыла в отключке?

Препарат действовал молниеносно. Все длилось какую-то долю секунды. Но этого хватило, чтобы дать ей почувствовать. Это было как обещание. Обещание того, что будет дальше.

Инеродное тело, лежавшее перед ней на столе, было размером с бильярдный шар. Из блестящего металла, испещренное маленькими дырочками, геометрическими фигурами и какими-то знаками. Из одной дырочки свисал красный шнур с петелькой на конце, невольно наводивший на мысль о Рождестве и о елке, которую предстояло наряжать в доме у родителей 23 декабря, через семь дней. Украшать блестящими шарами, фигурками гномов, корзиночками, свечками и норвежским флажком. А через восемь дней — петь «Как прекрасна земля»¹ и увидеть, как загорятся глаза племянников, открывающих ее подарки. Теперь бы она все сделала совсем по-другому. Все стало бы иначе. Со всеми днями, которые она прожила бы гораздо осмысленнее, гораздо правильнее, наполняя их радостью, дыханием и любовью. С городами, мимо которых она только проезжала, куда она лишь собиралась. С мужчинами, которых она встречала, и мужчиной, которого она еще не встретила. С плодом, от которого она избавилась,

1 «Как прекрасна земля» — рождественский псалом на слова Бернарда Северина Ингеманна.

когда ей было семнадцать, с детьми, которые у нее еще не родились. С днями, которые она выбросила на ветер, потому что думала, что впереди у нее вечность.

Но тут она перестала думать о чем бы то ни было, кроме ножа, возникшего прямо перед ее лицом. И мягкого голоса, который сказал ей, что она должна взять этот шар в рот. И она это сделала, конечно, — как же иначе. Сердце ее бешено колотилось, но она раскрыла рот так широко, как только смогла, и протолкнула шар внутрь, и шнурок теперь свисал у нее изо рта. От металлического шарика во рту появился горький и соленый привкус, как от слез. А потом голову ее запрокинули назад, и кожу обожгла сталь, когда к горлу приставили нож. Потолок и комнату освещал фонарик, прислоненный к стене в одном из углов. Серый, голый бетон. Помимо фонарика в комнате был еще белый пластиковый стол, два стула, две пустые бутылки из-под пива и два человека. Он и она. Она почувствовала запах кожаной перчатки, когда его указательный палец схватил красную петельку шнурка, свисавшего изо рта. А в следующий миг ей показалось, что голова ее взорвалась.

Шар увеличился в объеме и разрывал теперь ей глотку изнутри. Попытки открыть рот как можно шире не помогли — давление меньше не сделалось. Он осмотрел ее открытый рот с сосредоточенным и заинтересованным видом, такой бывает у зубного врача, когда тот проверяет, правильно ли поставлены брекеты. Он слегка улыбался — значит, остался доволен.

Языком она ощутила, что из шара торчат какие-то шипы, и это именно они давят на нёбо, нежную слизистую внизу рта, десны, нёбный язычок. Она

попыталась что-то сказать. Он терпеливо слушал невнятные звуки, вырывавшиеся у нее изо рта. Кивнул, когда она сдалась и перестала говорить, и вынул шприц. Капелька на кончике иглы сверкала в свете карманного фонарика. Он прошептал ей прямо в ухо: «Не трогай шнур».

А потом уколол ее в шею сбоку. И она отключилась за какие-то секунды.

Моргая в темноте, она прислушивалась к своему испуганному дыханию.

Надо что-то делать.

Она оперлась ладонями о сиденье стула, влажное и холодное от ее собственного пота, и приподнялась. Ее никто не остановил.

Мелкими шажками она прошла несколько метров, пока не наткнулась на стену. Проковыляла вдоль нее, дальше была какая-то гладкая, холодная поверхность. Металлическая дверь. Она подергала засов. Дверь не поддавалась. Заперто. Конечно, дверь заперта, а на что, собственно, было рассчитывать? Это ей почудился смех или же он раздался в ее собственной голове? Где тот человек? Почему он затеял с ней эту игру?

Надо что-то предпринять. Надо подумать. Но для того чтобы думать, необходимо избавиться от этого металлического шара, не то от боли она сойдет с ума. Она засунула большой и указательный пальцы в уголки рта. Почувствовала шипы. Попыталась засунуть пальцы под один из них. Бесполезно. Подступил кашель и следом паника: дышать было невозможно. Тут она сообразила, что из-за этих шипов горло распухло изнутри, и скоро она задохнется. Она принялась колотить в железную дверь, попыталась крикнуть, но металлический шар глушил звук. Она сдалась. Присло-

нилась к стене. Прислушалась. Ей почудилось или же она действительно слышит чьи-то осторожные шаги? Неужели он ходит по комнате, играя с ней в жмурки? Или это ее собственная кровь пульсирует в ушах? Стараясь не обращать внимания на боль, она сжала рот. Ей только-только удалось загнать шипы назад в шарик, но они снова заставили ее широко распахнуть рот. Казалось, что шарик пульсирует, что он превратился в сердце из железа, стал частью ее самой.

Надо что-то предпринять. Надо подумать.

Пружины. Под этими шипами — пружины.

Шипы вылезли, когда он дернул за шнур.

«Не трогай шнур», — сказал он.

А почему? Что тогда будет?

Она сползла по стене и села. От бетонного пола шел сырой холод. Снова захотелось крикнуть, но она не посмела. Тишина. Молчание.

О, слова, что она сказала бы всем, кого любит, — вместо слов, которыми просто заполняла молчание, общаясь с теми, кто ей безразличен!

Нет никакого выхода, нет. Только она сама и эта безумная боль, и голова вот-вот взорвется.

«Не трогай шнур».

А может быть, надо потянуть за него, и шипы уберутся назад в шарик, и боль уйдет?

Мысли двигались по кругу. Сколько она уже здесь? Два часа? Восемь часов? Двадцать минут?

Если бы все было так просто — потянуть за шнур, — почему же она этого до сих пор не сделала? Только потому, что тот человек, совершенно явно сумасшедший, ей запретил? Может, это элемент игры, чтобы обманом заставить ее терпеть эту совершенно ненужную боль? Или же смысл игры заключался в том, чтобы она, несмотря на предупреждение, как раз и дернула бы за шнур, чтобы...

чтобы произошло что-то ужасное. А что может произойти? Что это за шарик?

Да, это была игра, чудовищная игра. Потому что деваться некуда. Боль становилась все невыносимее, горло распухло, она вот-вот задохнется.

Она снова попыталась закричать, но крика не получилось, только какой-то всхлип, и она моргала и моргала, но слез не было.

Пальцы нащупали шнур, свисавший изо рта. Осторожно потянули.

Она, разумеется, сожалела обо всем, чего не успела сделать. Но если бы ее по какому-то недоразумению вдруг переместили в какое-то совсем другое место, не важно куда, она согласилась бы на что угодно. Она просто хотела жить. Какой угодно жизнью. Вот и все.

Она дернула за шнур.

Из шипов выскочили иглы. По семь сантиметров каждая. Четыре прошили ее щеки, две вонзились в гайморовы полости, две прошли в нос, две пронзили подбородок. Одна проткнула насквозь пищевод, а еще одна — правое глазное яблоко. Две иголки прошли через заднее нёбо и достигли мозга. Но непосредственной причиной смерти стало не это. Из-за металлического шарика она не могла выплюнуть кровь, хлынувшую из ран прямо в рот. Вместо этого кровь устремилась в гортань и дальше, в легкие. Из-за этого кислород перестал поступать в кровь, что, в свою очередь, вызвало остановку сердца и то, что судебный медик в своем отчете назвал церебральной гипоксией, то есть нехваткой кислорода в мозгу. Иными словами, Боргни Стем-Мюре утонула.

Глава 2

Проясняющая темнота

18 декабря

Дни стали короче. На улице еще светло, но здесь, в моей монтажной, вечная темнота. В ярком свете настольной лампы люди глядят с фотографий на стене раздражающе радостно, будто ни о чем не догадываются. Они полны ожиданий, точно даже не сомневаются, что впереди у них долгая жизнь, раскинувшаяся во все стороны спокойная гладь времени. Я их вырезал из газеты, убрав выжимающие слезу рассказы о семье в шоке и выкинув леденящие кровь описания найденного трупа. Оставил только непременною фотографию, отданную настырному журналисту родственником или другом, — снимок, сделанный в счастливый миг, когда она улыбалась, словно была бессмертной.

Полиции известно немного. Пока. Но скоро работенки у нее прибавится.

Что это такое, где оно сидит, — то, что превращает человека в убийцу? Это что-то врожденное, заложенное в некоем гене, наследственная предрасположенность, которая у кого-то есть, а у кого-то нет? Или же оно возникает в силу необходимости, развиваясь по мере углубления контактов с миром, — некая стратегия выживания, спасающая жизнь болезнь, рациональное безумие? Потому что если телесная болезнь — это обстрел, лихорадочный огонь, то безумие — это вынужденное отступление в укрытие.

Лично я считаю, что способность убивать изначально присуща каждому здоровому чело-

веку. Наше существование — это битва за блага, и тот, кто не может убить ближнего своего, не имеет права на существование. Убить, что ни говори, означает всего лишь приблизить неизбежное. Смерть ни для кого не делает исключений, что хорошо, поскольку жизнь есть боль и страдание.

В этом смысле всякое убийство — акт милосердия. Просто этого не понимаешь, пока тебя греет солнце, вода, журча, приближается к губам, и ты чувствуешь идиотскую жажду жить с каждым ударом сердца и готов заплакать за одно мгновение всем тем, чего добился в течение жизни: достоинством, положением, принципами. Именно тогда надо решительно вмешаться, не обращая внимания на этот сбивающий с толку, слепящий свет. Помочь оказаться в холодной, преображающей темноте. И почувствовать холодную суть. Истину. Ибо именно ее я искал. Именно ее я нашел. То, что делает человека убийцей.

А как же моя собственная жизнь, неужели я тоже думаю, что она — бесконечная морская гладь?

Вовсе нет. Вскоре и я окажусь на свалке смерти, вместе с исполнителями других ролей в этой пьеске. Но как бы ни разложился мой труп, хоть даже до самого скелета, у него на губах все равно будет играть улыбка. Именно ради этого я сейчас живу, это единственное оправдание моего существования, моя возможность очиститься, освободиться от позора.

Но это только начало. А сейчас я выключаю лампу и выхожу на дневной свет. Хотя день и короток.

Глава 3

Гонконг

Дождь закончился не сразу. И не закончился потом. Он вообще не кончался. Было тепло и мокро, и так неделя за неделей. Земля напиталась водой, евродороги разваливались, перелетные птицы не улетели на юг, а в новостях показывали о насекомых, которые так далеко на севере раньше никогда не встречались. Календарь утверждал, что наступила зима, но земля в Осло не только не побелела, она еще даже коричневой не стала. Газоны были зелеными и манили к себе, как спортивные площадки с искусственным покрытием в Согне, где отчаявшиеся физкультурники уже начинали понемногу бегать трусцой в своих лыжных костюмах от Бьёрна Дэли¹, так и не дождавшись возможности пробежаться по лыжне вокруг озера Согнсванн. Туман накануне Нового года лег такой плотный, что, хотя звуки от петард и ракет, запускаемых в центре Осло, были слышны аж в Аскере, разглядеть не удавалось даже тех фейерверков, что запускались с собственного газона. Тем не менее норвежцы в тот вечер нажгли пиротехники на шестьсот крон с каждого домохозяйства, согласно данным одного потребительского опроса, который, помимо прочего, показал, что количество норвежцев, реализовавших свою мечту о белом Рождестве на белых пляжах Таиланда, за три года удвоилось. Но и в Юго-Восточной Азии погода тоже

1 Бьёрн Дэли — норвежский лыжник, завоевавший рекордное число олимпийских золотых медалей. После ухода из большого спорта занимается бизнесом, в частности дизайном и производством спортивной одежды.

была как укуренная, угрожающие значки, которые обычно появлялись на погодной карте только в сезон тайфунов, сейчас выстроились по ранжиру в районе Китайского моря. В Гонконге, где февраль считается самым сухим месяцем, в это утро шел настоящий ливень, и по причине плохой видимости самолет, совершавший рейс 731 компании «Cathay Pacific Airlines» из Лондона, вынужден был сделать еще один круг, прежде чем зайти на посадку в аэропорту Чхеклапкок.

— И скажите спасибо, что нам не пришлось садиться на старом аэродроме, — сказал китайской внешности пассажир, обращаясь к Кайе Сульнес, вцепившейся в подлокотники с такой силой, что костяшки пальцев побелели. — Он находился прямо в городе, тогда бы мы уж точно врезались в какой-нибудь небоскреб.

Это были первые слова, которые он произнес с момента взлета двенадцать часов назад. Кайя тут же радостно отвлеклась от того факта, что между нею и землей только воздух, причем в данный момент довольно турбулентный.

— Спасибо, сэр, успокоили. Вы англичанин?

Он вздрогнул, как будто от пощечины, и Кайя поняла, что нанесла ему жуткое оскорбление, предположив, что он относится к числу бывших колонизаторов.

— Э-э-э... вероятно, вы китаец?

Он решительно покачал головой:

— Гонконгский китаец. А вы, барышня?

Кайя Сульнес на секунду задумалась, а не ответить ли ей «хоксундская норвежка», но ограничилась «норвежкой», после чего гонконгский китаец немного поразмыслил, потом ликующе произнес «А-га!», добавил «Так вы из Скандинавии!» и в конце концов спросил, зачем она летит в Гонконг.

— Я должна найти одного человека, — сказала она и стала смотреть вниз на свинцово-серые тучи в надежде, что скоро покажется твердая земля.

— Ага! — повторил гонконгский китаец. — Вы очень красивая барышня. И не верьте тем, кто говорит, что китайцы женятся только на китаянках.

Она вяло улыбнулась:

— Вы имеете в виду гонконгских китайцев?

— В особенности гонконгских, — энергично закивал он и поднял руку; кольца на пальце у него не было. — Я занимаюсь микрочипами, у нашей семьи фабрики в Китае и Южной Корее. Что вы собираетесь делать сегодня вечером?

— Спать, надеюсь, — зевнула Кайя.

— А как насчет завтрашнего вечера?

— Тогда я его уже, надеюсь, найду и буду на пути домой.

Мужчина наморщил лоб:

— Так заняты, барышня?

Попутчик предложил подвезти Кайю, но она, поблагодарив, добралась до города на двухэтажном автобусе. Час спустя она в одиночестве стояла в коридоре гостиницы «Эмпайр Коулун» и дышала: глубокий вдох и глубокий выдох. Она вставила карточку-ключ в дверь номера. Теперь оставалось только его открыть. Она заставила себя нажать на ручку двери. Потом дернула дверь на себя и заглянула в комнату.

Там никого не было.

Разумеется, никого.

Она вошла, поставила чемодан на колесиках возле кровати и подошла к окну. Сначала посмотрела на толпы, кишасщие семнадцатью этажами ниже, потом на небоскребы, которые совершенно не были похожи на своих грациозных или по крайней

мере нарядных собратьев на Манхэттене, в Куала-Лумпуре или Токио. Здешние напоминали термитники, пугающие и привлекательные одновременно, — гротескное свидетельство человеческого умения приспособливаться, когда семь миллионов человек вынуждены как-то разместиться на территории чуть больше ста квадратных километров. Кайя почувствовала, как на нее наваливается усталость, сбросила туфли и рухнула на постель. Хотя номер был на двоих, а отель четырехзвездный, кровать шириной сто двадцать сантиметров занимала собой все пространство. И она подумала о том, что ей предстоит найти среди этих термитников одного-единственного человека, причем, судя по всему, не слишком заинтересованного в том, чтобы его нашли.

Она на секунду задумалась, решая: закрыть глаза и поспать или же приступить к делу? Потом собралась с силами и встала с кровати. Сбросила с себя одежду и направилась в душ. Встала перед зеркалом и констатировала, без всякого самодовольства, впрочем, что китаец из Гонконга прав: она красива.

Не то чтобы это ей казалось — это был почти факт, каким всегда и является красота. Лицо с высокими скулами, ровно очерченные красивой формы брови цвета воронова крыла над большими, словно детскими, глазами с зеленой радужкой, сверкавшими юным женственным блеском. Каштановые, медового отлива волосы, пухлые губы словно целуют друг дружку, — впрочем, рот немного великоват. Длинная, тонкая шея, такое же стройное тело, маленькая грудь, напоминающая небольшие буруны над поверхностью моря, прекрасная, хотя немного по-зимнему бледная кожа. Мягкая линия бедер. Длинные ноги, за которые подрались два

модельных агентства в Осло, пока она заканчивала гимназию в Хокксунде, два агентства, немало огорченные ее отказом. Больше всего она обрадовалась, когда в одном из агентств ей на прощание сказали: «Ладно, но запомните, дорогуша, вы не обладаете *совершенной* красотой. Зубы у вас мелкие и острые. И вам не следует так много улыбаться».

После этого улыбаться ей стало еще легче, чем раньше.

Кайя натянула на себя брюки цвета хаки, тонкую ветровку и бесшумно и невесомо спустилась на лифте к стойке администратора гостиницы.

— «Чункинг-мэншн»? — переспросил администратор, ему почти удалось скрыть свое изумление, и показал: — Сначала по Кимберли-роуд до Натанроуд, а потом налево.

Все пансионаты и отели в странах — членах Интерпола обязаны регистрировать постояльцев-иностранцев, но, когда Кайя позвонила секретарю норвежского посольства, чтобы выяснить, по какому последнему адресу был зарегистрирован человек, которого она ищет, секретарь объяснил ей, что «Чункинг-мэншн» не гостиница и не пансион, даже не усадьба, как можно было бы подумать, исходя из английского слова в названии. На самом деле это целое скопление магазинов, уличных кафешек, ресторанов и, по всей вероятности, более сотни сертифицированных и несертифицированных третьеразрядных гостиниц, в которых может быть от двух до двадцати номеров. Все это располагается в четырех огромных многоэтажных домах. Сдаваемые номера тоже совершенно разные: от простых, опрятных и уютных до настоящих крысиных нор и однозвездочных тюремных камер. И самое главное: в «Чункинг-мэншн» человек без особых запросов мог спать, жить, работать, пло-

даться и размножаться, даже не покидая пределы своего термитника.

Пройдя по Натан-роуд, оживленной торговой улице с магазинами известных торговых фирм, полированными фасадами и большими витринами, Кайя обнаружила поворот на Чункинг. И шагнула туда.

Шагнула в чад фастфудов, стук молоточков уличных сапожников, крики муэдзинов по радио и усталые взгляды из магазинов секунд-хенда. Она улыбнулась растерянному бэкпакеру с путеводителем «Lonely Planet» в руках и белыми замерзшими ногами, торчащими из не по сезону оптимистичных камуфляжных шортов.

Охранник в униформе взглянул на бумажку, протянутую Кайей, произнес «Лифт G» и показал куда-то в глубь коридора.

Очередь перед лифтом была настолько длинной, что Кайе удалось попасть в него только на третий раз. Люди в лифте стояли тесно прижавшись друг к другу, а сам он напоминал скрипящий и дрожащий железный гроб, и Кайя невольно вспомнила о цыганах, что хоронят своих покойников в вертикальном положении.

Ночлежка принадлежала мусульманину с чалмой на голове, который немедленно и с большим энтузиазмом показал ей каморку, где совершенно непостижимым образом умещался еще и телевизор — на стене в изножье кровати — и всхлипывающий кондиционер в изголовье. Энтузиазм хозяина поутих, когда она прервала его рекламную тираду, показав фотографию мужчины, под которой было написано его имя — так, как оно значилось в его паспорте, и спросила, где он может быть сейчас.

Увидев реакцию хозяина, Кайя поспешила сообщить ему, что она — жена этого человека. По-

сольский секретарь объяснил ей, что размахивать в Чункинге каким-либо официальным удостоверением было бы «контрпродуктивно». Ну а когда Кайя на всякий случай добавила, что у них с мужчиной на фотографии пятеро детей, хозяин гостиницы самым радикальным образом изменил отношение к ней. Молодая западная язычница, уже произведшая на свет так много детей, вызывала уважение. Он тяжело вздохнул, покачал головой и произнес на жалобном отрывистом английском:

— Печально, очень печально, госпожа. Они пришли и забрали его паспорт.

— Кто?

— Кто? Триада, госпожа. Как всегда, Триада.

— Триада? — не сдержала изумления Кайя.

Она, конечно, знала об этой организации, но, по правде говоря, китайская мафия ассоциировалась у нее в первую очередь с комиксами и фильмами про крутых каратистов.

— Присядьте, госпожа. — Он торопливо пододвинул стул, на который она и опустилась. — Они его искали, его не было, и они забрали его паспорт.

— Паспорт? Почему?

Он медлил с ответом.

— Пожалуйста, я должна это знать.

— Боюсь, ваш муж играл на бегах.

— На бегах?

— Хэппи-Вэлли. Ипподром. Там тотализатор и другие гадкие вещи.

— И у него были долги? Триаде?

Он кивнул и несколько раз покачал головой из стороны в сторону, одновременно и подтверждая, и выражая сожаление.

— И они забрали паспорт?

— Он должен выкупить паспорт, заплатить долг, если захочет уехать из Гонконга.

— Но ведь он может получить новый паспорт в норвежском консульстве.

Чалма качнулась из стороны в сторону.

— Да. А еще можно изготовить фальшивый за восемьдесят американских долларов — прямо здесь, в Чункинге. Но проблема не в паспорте. Проблема в том, что Гонконг — остров, госпожа. Как вы сюда прибыли?

— На самолете.

— А как собираетесь улетать?

— Самолетом.

— Один аэропорт. Билеты на самолет. Все фамилии в компьютере. Много проверок. И много народу в аэропорту, которым Триада немного платит, чтобы они узнавали нужные лица. Понимаете?

Она медленно кивнула:

— Да, убежать сложно.

Владелец гостиницы со смехом покачал головой:

— Нет, госпожа. Убежать *невозможно*. Но в Гонконге можно спрятаться. Семь миллионов. Исчезнуть нетрудно.

Уже начинал сказываться недосып, и Кайя прикрыла глаза. Хозяин гостиницы, наверное, не так ее понял, потому что, утешая, положил руку ей на плечо и пробормотал:

— Ну-ну...

Немного поколебавшись, он наклонился к ней поближе и прошептал:

— Мне кажется, он все еще здесь, госпожа.

— Да, я понимаю.

— Нет, я имею в виду здесь, в Чункинге. Я его видел.

Она подняла голову.

— Два раза, — сказал он. — В «Ли Юане». Дешевый рис. Не говорите никому, что я сказал. Ваш муж — хороший человек. Но у него проблемы. — Он

закатил вверх глаза, так что они почти исчезли под чалмой. — Большие проблемы.

«Ли Юань» представлял собой стойку, четыре пластиковых стола и одного китайца, который ободряюще улыбнулся Кайе, когда она после шести часов, двух порций жареного риса, трех чашек кофе и двух литров воды внезапно проснулась, оторвала голову от жирной столешницы и посмотрела на него.

— Tired?¹ — засмеялся он, показав неполный ряд передних зубов.

Кайя зевнула и заказала себе четвертую чашку кофе. И принялась ждать. Вошли два китайца и уселись у стойки, ничего не говоря и ничего не заказывая. Они не удостоили ее взглядом, чему она была рада. Тело ее затекло от бесконечного сидения в течение последних суток: какую бы позу она ни принимала, было все равно больно. Она покрутила головой, пытаясь разогнать кровь. Потом откинула голову назад. В шее что-то хрустнуло. Она посмотрела на сине-белые трубки ламп дневного света на потолке, потом снова опустила голову. И взгляд ее упал прямо на затравленное, бледное лицо. Мужчина остановился перед одним из задернутых железных жалюзи в коридоре и сканировал глазами маленькое заведение Ли Юаня. Взгляд его остановился на двух китайцах у стойки. И мужчина заторопился дальше.

Кайя вскочила, едва не упав, — затекшая нога подогнулась, — и, схватив сумку, заковыляла за уходящим мужчиной.

— Welcome back², — проговорил ей вслед Ли Юань.

1 Устали? (англ.)

2 Приходите еще (англ.).

Мужчина выглядел ужасно худым. На фотографиях он широкоплечий и высоченный, а стул, на котором он сидел в том телевизионном ток-шоу, казалось, был сделан для пигмея. Но она ни минуты не сомневалась, что это именно он. Коротко стриженная шишковатая голова, крупный нос, глаза в сосудистой сетке со светло-голубой проспиртованной радужкой. Решительный подбородок и на удивление мягкий, почти красивый рот.

Прихрамывая, она вышла на Натан-роуд. В неоновом свете над толпой маячила спина в кожаной куртке. И не сказать чтобы он шел быстро, но Кайе приходилось почти бежать, чтобы не потерять его из виду. Он свернул с оживленной торговой улицы в узкий малолюдный переулок, и Кайя тут же замедлила шаг, увеличив дистанцию между ними. Краем глаза отметила табличку с названием улицы: Мелден-роу. Очень заманчиво было подойти к нему прямо теперь, представиться, и дело с концом. Но она решила не отступать от плана и выяснить, где он живет. Дождь прекратился, облака с одного края неба расступились, и небо за ними было высокое и черное, как бархат с мерцающими звездами размером с булавоочную головку.

Пройдя еще минут двадцать, он вдруг остановился на углу, и Кайя испугалась, что он ее обнаружит. Но он не обернулся, а только достал что-то из кармана куртки. Она удивленно уставилась на предмет у него в руке. Бутылка с соской?

Мужчина повернул за угол.

Кайя двинулась следом и оказалась на большой открытой площади, заполненной людьми, в большинстве своем молодыми. В конце площади над широкими стеклянными дверьми сияли надписи на английском и китайском. Кайя узнала названия новых фильмов, посмотреть которые ей никак не

успеть. Она вновь заметила его кожаную куртку, успела разглядеть, что он поставил бутылку на низкий цоколь бронзовой скульптуры, изображающей виселицу с пустой петлей. Мужчина пошел дальше, мимо двух скамеек, заполненных людьми, и уселся на третью, где подобрал какую-то газету. Спустя примерно двадцать секунд он снова встал, вернулся к скульптуре, как бы невзначай забрал бутылку и пошел назад той же дорогой, что и пришел.

Когда Кайя увидела, как он входит в «Чункинг-мэншн», вновь начался дождь. Она уже стала прикидывать, что скажет. Очереди у лифтов больше не было, но он все равно пошел по лестнице, повернул направо и исчез за вращающейся дверью. Кайя заторопилась за ним и внезапно оказалась на запущенной безлюдной лестнице, воняющей кошками и мокрым бетоном. Задержала дыхание, но единственное, что смогла расслышать, был звук падающих капель. Раздумывая, не пойти ли наверх, она услышала, как где-то ниже хлопнула дверь. Тогда Кайя бросилась вниз по лестнице и обнаружила ту единственную дверь, что могла произвести этот звук: металлическую, во вмятинах. Она положила руку на ручку двери, почувствовала, как возвращается дрожь, закрыла глаза и выругалась про себя. Потом рванула на себя дверь и вошла в темноту. Точнее, вышла туда.

Что-то пробежало у нее по ногам, но она не закричала и не пошевелилась.

Сначала ей показалось, что она в шахте лифта. Но когда она подняла глаза, то увидела закопченные дочерна кирпичные стены, покрытые немислимым переплетением водопроводных труб, проводов, изогнутых обрубков металла и полуразвалившихся проржавевших металлических лесов. Это нельзя было назвать двором, просто несколько квадрат-

ных метров между высотными домами. Тусклый свет проникал из небольшого квадрата со звездами далеко наверху. Хотя на небе не было ни облачка, на асфальт и ей на лицо все время что-то капало, и она сообразила, что это конденсат из множества маленьких ржавых кондиционеров, сплошь усеявших стены. Она сделала шаг назад и прислонилась спиной к металлической двери.

Она ждала.

И наконец из темноты раздалось:

— What do you want?¹

Ей никогда раньше не доводилось слышать его голос. Ну да, конечно, она слышала его в ток-шоу, когда шел разговор о серийных убийцах, но слышать этот голос вживую — совсем другое дело. В нем была какая-то усталая хрипотца, и казалось, голос принадлежал человеку гораздо старше его лет — она знала, ему нет и сорока. Но вместе с тем в голосе слышалось невозмутимое и даже самоуверенное спокойствие, которое плохо сочеталось с тем затравленным лицом, которое она увидела из дверей заведения Ли Юаня. Голос был глубоким и теплым.

— Я норвежка, — сказала она.

Ответа не последовало. Она сглотнула. Первые слова — всегда самые важные.

— Меня зовут Кайя Сульнес. Мне поручили вас найти. Гуннар Хаген.

На имя собственного шефа из убойного отдела он тоже не отреагировал. Может, уже ушел?

— Я работаю у Хагена, я инспектор, расследую убийства, — сказала она в темноту.

— Поздравляю.

— Поздравлять особо не с чем. Если вы читали норвежские газеты в последние месяцы... — Она

1 Что вам нужно? (англ.)

прикусила язык. Неужели она пытается острить? Наверняка недосып. Или нервы.

— Я имел в виду: поздравляю с выполнением задания, — произнес голос. — Я найден. Теперь можете уезжать.

— Пойдите! — крикнула она. — Не хотите выслушать, что мне надо?

— Не особенно.

Но слова, которые она записала и вызубрила, полились сами собой.

— Убиты две женщины. Судя по данным судебных медиков, убийца один и тот же. Никаких других улик у нас нет. Хотя в прессу попал лишь самый минимум подробностей, СМИ уже успели поднять крик, что появился очередной серийный убийца. Пишут даже, что, возможно, его вдохновил Снеговик. Мы задействовали экспертов из Интерпола, но и они ничего не нашли. На нас давит и пресса, и власти...

— Нет значит «нет», — произнес голос.

Дверь захлопнулась.

— Эй, послушайте! Але! Вы здесь?

Она ощупью двинулась вперед и обнаружила дверь.

Немедленно толкнула ее, не позволяя страху взять над собой власть, очутилась на другой темной лестнице. Далеко вверху она увидела свет и одним махом преодолела три пролета. Свет проникал через стекло одной из вращающихся дверей, и она толкнула ее. Вошла в простой голый коридор, где, по всей видимости, уже отказались от идеи покрасить облупившиеся стены, и от них пахло затхлой сыростью. Двое мужчин стояли прислонившись к стене, в углах ртов у них были сигареты, она почувствовала сладковатый дым. Оба окинули ее безразличными взглядами. Она надеялась, что без-

различными. Тот, что пониже ростом, был черным, наверное африканец. У другого, повыше и белого, на лбу был шрам в форме треугольника, напоминающий дорожный знак. В их ведомственном журнале «Политиет» она читала, что в Гонконге на улицах почти тридцать тысяч полицейских, что он считается самым безопасным городом из городов-миллионеров. Но то на улицах.

— Looking for hashish, lady?¹

Она покачала головой, стараясь казаться как можно более уверенной, попыталась вести себя так, как сама советовала девчонкам в те времена, когда ездила по школам: иди с таким видом, как будто ты твердо знаешь, куда направляешься, а не как заблудившаяся овца. Не как добыча.

Они улыбнулись ей в ответ. Другая дверь в коридоре оказалась заложена кирпичами. Оба вытащили руки из карманов брюк, а сигареты изо рта.

— Looking for fun, then?

— Wrong door, that's all², — сказала она и повернулась, намереваясь выйти.

Вдруг вокруг ее запястья сомкнулась рука. У страха оказался привкус алюминиевой фольги. В теории она знала все. Тренировалась в освещенном спортзале на резиновом мате в присутствии инструктора и коллег.

— Right door, lady. Right door. Fun is this way³.

Она почувствовала запах рыбы, лука и мариуаны. К тому же в спортзале был только один противник.

1 Нужен гашиш, леди? (англ.)

2 — Хотите поразвлечься?

— Просто дверью ошиблась (англ.).

3 Это та самая дверь. Та самая, леди. Тут самая веселуха (англ.).